

В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ. Как разгоняли "Новый мир"

Судя по нашей редакционной почте, читатели "АиФ" с большим интересом знакомятся с теми публикациями, в которых о событиях давнего и не столь давнего прошлого повествуют сами их участники и свидетели. Предоставляя читателям возможность узнать о происходившем "из первых уст", мы напечатали отрывки из воспоминаний таких разных людей, как Л. Д. Троцкий, Н. С. Хрущев, С. И. Аллилуева... И читатели просят продолжить подобные публикации.

Конец 60-х - начало 70-х... Эти годы известны усилением командно-бюрократического нажима на печать и литературу. В 1970 г. административным гонениям подвергся журнал "Новый мир", на страницах которого еще жил дух "оттепели", дух XX съезда. Главного редактора журнала А. Т. Твардовского вынудили уйти со своего поста и вместо него назначили В. А. Косолапова. О том, как происходил разгон "Нового мира", рассказал А. И. СОЛЖЕНИЦЫН в одной из глав своей книги "Бодался теленок с дубом", изданной в Париже в 1975 г. Мы решили предложить вниманию читателей "АиФ" небольшой отрывок из этой книги с некоторыми сокращениями.

РАЗНОСИЛСЯ ПО МОСКВЕ СЛУХ, что топят "Новый мир" - и все больше авторов стекалось в редакцию, заполнены были и комнаты, и коридоры, "вся литература собралась" (да если вообще была советская литература - так только тут), писатели - во главе с Можаявым, стали сколачивать коллективное письмо опять тому же Брежневу, да все равно судьба того письма, как и тысяч, была остаться неотвеченным. А редколлегия сторонилась этих писательских попыток! - состоя на честной службе, она не могла участвовать в открытом бунте, даже жаловаться с перескоком инстанций.

В такой день, 10 февраля, когда уже решено было снятие Лакшина - Кондратовича - Виноградова^{sup"1"/sup}, пришел и я в это столпотворение. Все кресла были завалены писательскими пальто, все коридоры загорожены группами писателей. А. Т. ^{sup"2"/sup} у себя в кабинете... сидел трезво, грустно, бездеятельно.* Это первая была наша встреча после ноябрьской бури. Мы пожали руки, поцеловались. Я пришел убеждать его, что пока еще остаются, считая с ним вместе, четверо членов редакции - можно внутри редакции продолжать борьбу, еще 2-3 месяца пойдут приготовленные номера, лишь когда надо будет подписать у же совсем отвратный номер - тогда и уйти.

А. Т. ответил.

- Устал я от унижений. Чтоб еще сидеть с ними за одним столом и по-серьезному разговаривать... Ввели людей, каких я и не видел никогда, не знаю - брюнеты они или блондины.

(Хуже: они даже писателями не были. Руководить литературным журналом назначались люди, не державшие в руках пера, Трифонов был прав, да я б на его месте еще и раньше ушел, - а предлагал я в духе того терпенья, каким и жили они все года.)

- Но как же так, А. Т., самому подавать? Христианское мировоззрение запрещает самоубийство, а партийная идеология запрещает отставку!

- Вы не знаете, как это в партии принято: скажут подать - и подам. (...)

В этот день все ожидалось, что будет в завтрашней "Литературке", и агенты приносили разные сведения: то - идет отречное письмо А. Т., то не идет; то - будет подтасовка, что он согласен с переменами в редакции, то - не будет.

Изменила б "Литгазета" своему характеру, если бы не сжульничала. На другой день и подтасовка была конечно, и невозвратное объявление о выводе четырех членов редколлегии, и - письмо А. Т., которого уже истомился он ждать в печати, но чести оно принесло ему мало:

"...моя поэма... абсолютно неизвестными мне путями, разумеется, помимо моей воли... в эмигрантском журнальчике "Посев"... искаженном виде... Наглость этой акции... беспардонная лживость... провокационное заглавие... будто бы она "запрещена в Советском Союзе". А разве же не запрещена? А разве не спрашиваете вы друзей: "читали мою поэму?" А разве это письмо - откроет ей печатанье в СССР?

И - за что заплачена цена? За то, что разогнали вашу редакцию, Александр Трифонович?..

Сломали...

Перейдена была мера унижений, мера стойкости, и 11 февраля Твардовский подписал, столько лет из него выжимаемое: "прошу освободить"...

И еще мы не знали: в это самое 11-е вызвали его на "совещание членов Президиума Комеско"^{sup}"3"/sup> - ну, наших обязательных представителей в угодливой вигореллевской организации, которая теперь на дыбки все же поднялась из-за меня. И Твардовский - за что платя теперь, сегодня? - подписал продиктованное заявление об уходе с вице-председателя "Комеско" - т. е. сдал еще одну позицию, сдал себя и меня, хоть и безвредно. И с самым искренним чувством обнял меня на следующий день, не упомянув об этом, да даже и не понимая. Ведь если партия указывает - надо подписывать.

12-го был я в редакции вновь. Уже все было другое - у редакции не ожидание судьбы, у писателей - не попытка к бою. Чистили столы. Во множестве нахлынули авторы, забирали свои рукописи (потом иные вернут). Другие рукописи рвались в корзины, в мешки, и в бумажках рваных были полы. Это походило на массовый арест редакции или на высылку, эвакуацию. Там и здесь приносили водку, и авторы с редакторами распивали поминальные. Однако в кабинет А. Т. писателям, как всегда, не было открытого доступа. Несколько их с водкою и колбасой пошли в кабинет Лакшина и просили позвать Трифони́ча, но от имени А. Т. Лакшин извинился и отказал. Уже и снятому Главному было неприлично вот так непартийно появиться среди недовольных авторов.

В кабинете я застал А. Т. опять одного - но на ногах, у раскрытых шкафов, тоже за сортировкой папок и бумаг. Сказал он, что испытывает облегчение оттого, что заявление подал. Я согласился: уже оставаться было нельзя. Но вот во вчерашнем письме фраза... (если б только одна!)... Поэму будто бы запретили?

Трифони́ч стал живо возражать, даже ахнул, как я слабо разбираюсь (ахнул, потому что чувствовал промах):

- Это вы не поняли! Это очень тонкая фраза. Из-за нее-то письмо и не хотели печатать! Ведь я объявил по всему Советскому Союзу, что существует вот такая поэма и ее держат.

Я не искал переубеждения, избегал обострения.

Упомянул про его близкое 60-летие. Он подсчитал, что вел "Н. мир" в два приема целых 16 лет, а ни один русский журнал никогда не существовал больше десяти.

- Еще до семидесяти, А. Т., вполне можете писать! - утешал я.

- Да Мориаку - восемьдесят пять, и то как пишет! - Покосился: - Бунин вот, в жизни никого не хвалил, кроме Твардовского, а Мориака похвалил.

А вот и зернышко:

- А. Т.! Крупным-то ничего: Лакшину, Кондратовичу, им уже устроили посты, будут деньги платить. А мелким что делать?

- Виноградову? Да он еще лучше устроится.

- Нет, аппарату.

Не расслышал. Не понял! Как тогда с "Вехами" - просто не понял, понятия такого - "аппарат", еще 20 человек, которые...

- Авторам? Они в "Новом мире" не будут печататься.

Правда, на следующий день, 13-го, А. Т. начал обход всех комнат трек этажей, где и не бывал никогда: он шел прощаться. Он еле сдерживал слезы, был потрясен, растроган, всем говорил хорошие слова, обнимал... - но почему прежде никогда не собрал все свои две дюжины? И почему сегодня не боролся, а так трогательно, так трагично- печально сдавались? (...)

На другой день ждали прихода нового Главного. А - нет, и это снова по-советски! - бумажка, заложенная в заглавие аппарата, почему-то сразу не пошла. В таком темпе душили час за часом - и вдруг ослабили руки, и замерло. Всего-то из пяти соседних комнат надо было секретарям СП сбежаться и постановить - но, видимо, не поступило верховного телефонного согласования, и заела машина, и все замерли по кабинетам, - и Твардовский в своем, на Пушкинской площади, ожидая приговора. И так потекли дни, и вторая неделя - Твардовский приезжал, трезвый, тревожный, ожидал телефонного звонка, входа, снятия - не звонили, не шли... Наконец, и сам он звонил, ускоряя удар - но уж как заколодит нечистую силу, так нет ее! - скрывался Воронков, не подходил к телефону, эта техника у советских бюрократов высочайше поставлена: легче к ним на крыльях долететь и крышу головой прошибить, чем по телефону от секретарей дознаться: есть ли он на свете вообще, когда будет, когда можно позвонить? И в один вечер, когда уже Твардовский ушел, а секретарь его еще присутствовала (и наверное ж точно высчитав момент!), Воронков позвонил сам, в игриво-драматическом тоне: "Уже ушел? Ах, как жалко... Ведь он, наверно, на меня обижается... А ведь это не от меня зависит. Я все послал в Центральный Комитет. А сам я - что могу? Без Центрального Комитета я ни бэ, ни мэ". - И довольно верно поняли в редакции: Воронков зашатался, может быть и слетит, не так провернул.

Решенье повисло, решение могло и не состояться. Хотя такие тягостные оттяжки под секирой - не лучшие поры для размышлений, а выдалось всем подумать: если Твардовского не снимут, так может журнал еще существует? Твардовский есть - так есть и журнал? можно остаться и бороться? Но поскольку о снятии Лакшина, Кондратовича, Виноградова уже было напечатано в газете, это, по советским понятиям, невосстановимо, ибо самая драная желто-коричневая... газетка не может ошибиться. Бывшие заместители Твардовского уже ходили на свои новые должности, но каждый день бывали и здесь, - и в этом новом положении выяснилось, что любимцы А. Т., его заместители, не хотят, чтобы Твардовский вдруг остался бы без них: "Н. мира" без себя они не мыслили.

Можно гибнуть по-разному. "Новый мир" погиб, на мой взгляд, без красоты, с нераспрявленной спиной. Никакого даже шевеленья к публичной борьбе, когда она уже испробована и удается!

"sup"1"/sup" А. И. Кондратович - зам. главного редактора, И. И. Виноградов и В. Я. Лакшин - члены

редколлегии журнала. - Прим/ ред.

"sup"2"/sup" А. Т. Твардовский. - Прим. ред.

* Бездеятельно, если б не так ужасно курил - одну за другой, одну за другой грубые сильные сигареты.

"sup"3"/sup" КОМЕСКО (КОМЕС) - Европейское сообщество писателей, генеральным секретарем которого был Дж. Вигорелли. Существовало в 1958-1968 гг. - Прим. ред.